

5. Erhart A. Studien zur indoeuropäischen Morphologie. Brno, 1970.
6. Bezenberger A. Got. *bairau*, konjunktiv von indogerm. *bhērō(u)* // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. 1901. Bd 26. S. 152—154.
7. Wiedemann O. Das litauische Preterit. Strassburg, 1891.
8. Schmalstieg W. R. Baltic *ei* and depalatalization // *Lingua*. 1960. V. 10.
9. Trautmann R. Die altpreussische Denkmäler. Göttingen, 1910.

10. *Mažiulis V. P.* Prūsų kalbos paminklai. I Vilnius, 1966.
11. *Mažiulis V. P.* Prūsų kalbos paminklai. II. Vilnius, 1981.
12. *Schmalstieg W. R.* Indo-European linguistics: A new synthesis. Univ. Park and London, 1980.

Шмальstieg В. Р.

Перевел с английского *Красухин К. Г.*

Doerfer G. Grammatik des Chaladsch. Wiesbaden: Harrassowitz, 1988. 258 S. (Turcologica. Bd 4).

В изучении уникального тюркского языка — халаджского сделан еще один заметный шаг: известный западногерманский тюрколог Герхард Дёрфер опубликовал полную «Грамматику халаджского языка». Эта книга значительно расширяет знания тюркологов об островном языке, первые материалы по которому были опубликованы полвека тому назад (1940 г. — В. Ф. Минорский и М. Моккадам) и которые в то время не привлекли к себе, к сожалению, широкого внимания. Лишь в 70-е годы благодаря усилиям Г. Дёрфера и его учеников началось монографическое изучение халаджского языка, в результате которого сложилась концепция об особом месте этого языка среди тюркских как языке смешанном, но с большой долей весьма архаичных черт. Среди важнейших публикаций здесь следует напомнить «Халаджские материалы» (1971) [1], «Словарь халаджского языка: Дialeкт Харраба» (1980) [2], были также описаны отдельные грамматические категории и фонетические особенности (с. 5—9); см. также [3].

В новой Грамматике используется традиционный подход к толкованию грамматических категорий, в фонетике широко учитываются экспериментальные данные. Между тем следует сказать об особенностях халаджского языка. Это смешанный язык, носители которого проживают среди иранцев или азербайджанцев и являются поэтому би- или тринлингвами; их около 17 тысяч и живут они в 48 поселениях. Как говорит автор, речь может идти, фактически, о 48 диалектах (может, точнее говорить, о говорах — ?!). Халаджский язык — практически бесписьменный, и ни один из многочисленных диалектов не претендует на роль ведущего или базового в становлении какой-либо общезыковой нормы. Наблюдается сложная

картина взаимодействия диалектов между собой, а также с каждым из окружающих их другим языком. Естественно, в таких условиях перед автором Грамматики стояла очень трудная задача выделить в непросто конгломерате те явления и факты, которые можно было бы определить как общехаладжские. Однако представляется, что в Грамматике найдено удачное решение указанных проблем.

Г. Дёрфер рассматривает современный халаджский язык как результат длительного и сложного исторического развития языка того типа, который Махмуд Кашгарский в своем «Диване» определяет как «аргу», и автор стремится установить и отождествить признаки, объединяющие (с учетом исторических закономерностей) древний аргу и современный халаджский [4]. Такое соотношение значимо для каждого современного халадж. диалекта, и древнетюркское состояние служит для автора отправной точкой отсчета при анализе процессов в отдельных диалектах. В то же время Г. Дёрфер выявляет закономерности, которые охватывают халадж. язык в целом. Однако это осуществить сложнее, чем в первом случае, здесь в плане диахронии речь должна идти скорее о тенденциях развития, которые не всегда охватывают целиком все халадж. диалекты; в некоторых случаях можно даже фиксировать той или иной степени устойчивости «агрегатные состояния» и эта устойчивость определяется часто географическими или социолингвистическими факторами (особенно в области фонетических соответствий). Таким образом, халадж. язык для автора не абстрактная схема и статичная система, а динамический, весьма подвижный и изменчивый продукт длительного исторического развития. Совокупность диалектных данных, наличие засвидетельствованных в

письменных памятниках форм, использование приемов сравнительно-исторического метода позволяют Г. Дёрфферу — прежде всего в случаях фиксации «устойчивого агрегатного состояния» — реконструировать прахаладжские формы (Urchaladisch). Его «прахаладжский» локализуется «где-то между аргу XI в. и современным халаджским» (с. 103).

Указанный подход автора и его исторические построения создают общую картину развития языка, а это, в свою очередь, становится тем фоном, на котором выявляются борющиеся тенденции воздействия на халадж. язык как иранской, так и огузской языковой стихии. И здесь результаты контактной конвергенции этих языков весьма показательны. Взять для примера хотя бы послелоги и служебные имена (в терминологии автора — «пространственные имена»). В халадж. язык из персидского языка вошли служебные имена и даже предлоги типа *дар* «в», *ба:* «с», *аз* «из», которые сочетаются без *изафета* и могут стоять перед персидскими пространственными именами; ср. *аз ниш-е шаһр* «от города с передней стороны»; *я* свою очередь, указанные пространственные имена сочетаются с существительными с помощью персидского *изафета*: (*дар*) *миһан-е шаһра* «между городами», они свободно конкурируют в языке с тюркскими по происхождению послелогами и служебными именами: *билә* = *ба:* «с», *сару* = *аз бараһе* ~ *аз сабаб-е* «из-за», *ист* = *ру:* «на, над», *орта* = *миһан*, *васат* «в середине», *ич* = *ту:*, *даһил* «в, внутри» и др. Интересно, что *тариф* «сторона, направление» в пространственном значении употребляется с именем в направительном падеже и без притяжательного аффикса — *мәһһә тариф бажмиш* «посмотрел в мою сторону», но в пассивной конструкции при обозначении агенса имя принимает притяжательный показатель — *...һидән айдису тарифидә...* «[дается] хозяевам невесты...». Эти примеры показывают, что персидский *изафет* проник в структуру халадж. языка и в сфере служебных имен конкурирует с тюркскими притяжательными конструкциями. Нередки случаи его использования и для связи тюркских форм. Такая прямая синтаксическая интерференция объясняется, конечно, иранско-тюркским двуязычием халаджей. Однако она проявляется и на других уровнях языка, и автор Грамматики очень чутко относится к подобным фактам языкового влияния, обращая внимание и на влияние на халадж. язык местных азербайджанских говоров, что весьма важно, если вспомнить полемику о месте халадж. языка как отдельного тюркского языка [5]. Не следует забывать, что халадж. язык находится под сильным влиянием не только иран-

ского, но и азербайджанского языка, и многие халаджи владеют тремя языками, хотя в разных ареалах воздействие азербайджанского языка сильно колеблется (скажем, в говоре селения Халабад азербайджанских слов больше, чем в других местах).

Вообще огузское воздействие на халадж. язык Г. Дёрффер исследует особенно тщательно, что определяется историей формирования этого языка. Автор на основе исторических сведений и оценки ряда языковых признаков приходит к выводу, что аргу были тюркизированными содвйцами и их язык уже в XI в. (по данным Махмуда Кашгарского) четко отделился от других тюркских языков. Однако аргу имели тесные древние контакты с огузами, и огузское языковое влияние явно прослеживается и в дальнейшей истории халадж. языка. Как в фонетическом разделе Грамматики (гл. 3 «Вокализм», с. 10—40; гл. 4 «Консонантизм», с. 41—66), так и в разделе, посвященных морфологии и синтаксису, Г. Дёрффер последовательно отмечает факты, подтверждающие огузское влияние на этот язык. Так, появление форм *аш-вм. has-* «вешать», *уһ-вм. иҫ-* «собирать», *гаһн-нәнә*¹ *вм. гадин-әбә* «теща», *дәмһр* *вм. тәмһр* «железо» и др. автор объясняет огузским влиянием (с. 43), в области морфологии тонким и убедительным примером анализа взаимодействия древнетюркских, древнехаладжских и огузских моделей является показ становления в халадж. языке форм *аориста* (с. 152—161) и форм *императива* (с. 184—193). Интересно, что в области вокализма халадж. язык испытал более сильное влияние иранской фонетики, а в отношении консонантизма — огузской. Среди огузских по происхождению морфологических форм автор упоминает числительные количественные *доһсан* «90» и *мин* «1000» и порядковые на *-минҫи*, форму желательности на *-мАI(U)G*, будущее время на *-(y)A/A K*, плюсквамперфект типа *-мишдUкы* и др. (с. 248). Все эти примеры показывают, как сложно формировался морфологический строй халадж. языка, чем и объясняется нередкое гетерогенный состав его грамматических парадигм.

Специального упоминания заслуживает приведенный в Грамматике иллюстративный материал. В силу указанных выше свойств халадж. языка каждый из его говоров может оказаться носителем неповторимых особенностей любого яруса, поэтому автор бережно относится к фиксации примеров, обязательно давая ссылку на их источник и локализацию (см. список населенных пунктов, с. 6—8); таким об-

¹ Авторская транскрипция примеров несколько упрощена.

разом, каждый пример в Грамматике документирован. Выборка сделана из всех магнитофонных записей, из известных изданных халаджских текстов, из специальных словарных сводок, из составленной с помощью информанта М. Арабгула грамматики, а также из использованных грамматических вопросов; во всяком случае, автор стремился охватить полностью имеющиеся сейчас источники по халадж. языку. Благодаря этому внимательный и дотошный читатель может составить достаточно полную картину отдельного халаджского говора как со стороны его фонетических особенностей, так и морфологических, хотя сам автор ареальную и лингвогеографическую интерпретацию материала относит к следующему этапу изучения языка. В целом избранная в Грамматике методика подачи материала и его иллюстративное использование заслуживают всяческого одобрения: любое языковое явление подтверждается всегда рядом репрезентативных примеров. Ценно также и то, что часто даются и социоязыгвистические сведения; например условия употребления тех или иных форм, их звучание в зависимости от темпа речи, релевантность форм в условиях билингвизма и циглосии и пр.

Фонетический раздел Грамматики включает характеристику фонем халадж. языка, их позиционных вариантов и фонетических явлений в потоке речи. Г. Дёрфер применяет очень точную фонетическую транскрипцию, фиксирующую, например, постоянно 3—5 (до 6) вариантов гласных фонем и 1—2 согласных (при необходимости). Следует заметить, что, поскольку отдельные стороны халадж. фонетики были детально проработаны в предшествующих публикациях, автор в Грамматике ограничивается, как правило, приведением лишь дополнительных аргументов (то же и в морфологическом разделе). Как знают тюркологи, большую полемику вызвало установление тройственной количественной градации гласных в халадж. языке: краткие, полудолгие и долгие [6, 7]. Г. Дёрфер подтверждает свою точку зрения о фонологическом значимости указанного противопоставления, проявляющегося в тех же самых позициях. К тому же халаджское распределение статистически соответствует реконструируемому отношению у Махмуда Кангарского и в карахандских памятниках (прежде всего относительно полудолгих), и, следовательно, оно не является уникальным в тюркских языках (с. 11—12). Оппозиция краткий: полудолгий проявляет себя и качественно: краткие в диалектах реализуются чаще как открытые, а полудолгие — как более закрытые. Как показывают монгольские соответ-

ствия, краткие гласные выступали в закрытых слогах (халадж. *hal* — монг. письм. *ayla* «конь»), а полудолгие — в открытых (халадж. *sa'i* < **sata* «покупать»). Краткие в халадж. и других языках способствуют геминации согласных в структурах CVC; ср.: *akki* «2», *hottuz* «30», *sagga* «борода», *hissi-g* «горячий». Однако, по мнению Г. Дёрфера, тройственная оппозиция, являя собой переходный этап развития тюркского вокализма (а халадж. язык сохранил архаичные черты), не была свойственна древнетюркскому языку (пратюркскому — ?): он знал бинарную оппозицию по длительности. В современном халадж. языке система оппозиций находится в состоянии распада, о чем говорят колебания ее по ареалам, ее неустойчивость даже в речи одного информанта (влияет даже темп речи) и другие признаки, т. е. здесь этот язык повторяет путь других тюркских языков. Однако сам факт существования полудолгих не безразличен для исторической фонетики: он позволяет выявить в пратюркском в структуре слова открытые слоги.

Система гласных фонем в халадж. языке представлена 7 членами: *a/ā*, *o/i*, *u/ū*, *(i)/i*, которые, как видно, могут выступать в трех количественных проявлениях, следовательно, гласные фонемы (в тех говорах, где это фиксируется) в реальной презентации образуют более сложную систему (подсистему). Фонема *i* в своем развитии приблизилась в своей реализации к фонеме *i* (возможно, под иранским влиянием), хотя наличие ее в системе др.-халадж. языка четко доказывается вокализацией присоединяемых аффиксов (с. 11, 16—17, 20). Конкретные особенности речевых проявлений указанных фонем, характеристика аллофонов даются автором в соответствующих разделах, причем исходным всегда принимается тюркская или древнехаладжская реконструкция. Тем самым видна историческая судьба того или иного гласного в конкретном тюркском слове при его отражении в халаджском. В целом данные процессы заслуживают специального анализа.

Гласные непервых слогов Г. Дёрфер рассматривает как сингармонические альтернанты одной фонемы: -A- представлена вариантами *-a-* и *-ā-*, *-o-* — *-o/-ö-*, но фактически в халадж. языке здесь произошло развитие *-o-* > *-U-* (= *u/ü-*). Следовательно, в языке в непервых слогах реализуются только три фонемы /A/, /U/, /i/. В Грамматике описываются также специфические особенности проявления гласных в непервых слогах; например, чередование гласных в исходе слова (*-i* > *-u/-ü*, отражение в этой позиции древнего *-o* и др.), различные типы ассимиляции, гласные рядом с *-r* и *-s*, элизия и пр.

Халаджский консонантизм в целом общетюркского типа и весьма близок древнетюркскому (руническому): в начале слов глухие согласные, хотя возможно были *m-, n-* выступают только в *lä* «что», однако в условиях внешнего сандис возможно озвончение, равно как и в попавших под огузское влияние говорах или в огузских заимствованиях типа *lat* > *dat* «крыша», *tämür* > *dämür* «железо».

Специфической особенностью халадж. языка является сохранение в тюркских словах начального фарингального *h-*, который Г. Дёрфер считает этимологическим (он восходит к **p-*); ср. оппозиции с вокалическим алаутом: *has-* «вешать»: *as* «визну»; *häk-* «сеять»: *äk* «нить», *hulu-* «тошнить»; *ulu-* «выть». Первичность *h-* подтверждают внутритюркские системные факты (особенности рунической и древнеуйгурской орфографии), сопоставления с заимствованиями в других алтайских языках, соответствия в современных языках (особенно в кабульско-афшарском); признание этого факта также вызвало большую полемику среди тюркологов, в разных разделах Грамматики Г. Дёрфер приводит дополнительную аргументацию своих положений. Автор прослеживает последовательно отражение начальных др.-халаджских согласных (отталкиваясь от общетюркского состояния) в отдельных диалектах халадж. языка. Как уже указывалось, задача автора отделить собственно халаджское отражение, выявив его на фоне иранских и огузских влияний; представляется, что это сделать удастся, в то же время мы видим широкий спектр реальных репрезентаций согласных в языковых ареалах. Подробно в Грамматике показаны реализации звуков в ния ауслауте. Здесь интересна судьба интервокальных *-t-, -d-* и *-ð-*. Др.-тюрк. *-t-* остается неизменным: *a: tum* «мое имя», др.-тюрк. *-ð-* > *-d-*: *bedik* «большой», *boda-* «красить», *hadur-* «разделять», *yidu-* «пахнуть», хотя в некоторых случаях возможна и реализация *-ð-*: *bedük* «большой», *bodü* «его тело». Интервокальное *-q-*, как правило, сохраняется, возможны переходы *-x- ~ -γ-*; картину конкретного поведения в отдельных говорах отражает таблица (с. 49—50). Интересны отражения согласных в ауслауте (с. 55—58).

Среди комбинаторных явлений описываются случаи ассимиляции, диссимиляции, метатезы и падения согласных фонем, все эти процессы очень важны для понимания путей сложения тех или иных морфологических форм в халадж. языке; ср.: *tolyannärti* < *tolyanur-ärti* «он бродил», *billämiš* < *bilür-ärmiš* «он знал».

Морфологическая часть Грамматики представлена в двух больших разделах — «Имя» (с. 67—116) и «Глагол» (с. 117—204). Словообразование дается в минимальном

объеме, часто при пояснении производной словоформы.

В раздел «Имя» включено описание имен существительных (с. 68—99), наречий (с. 100—103), местоимений (с. 103—109), прилагательных (с. 109—110) и числительных (с. 111—116), здесь охвачены все их грамматические категории. В халадж. языке сохраняется в целом тюркская грамматическая система и общетюркские показатели, однако в нее основательно вторгаются и иранские грамматические элементы, которые, конкурируя с тюркскими, образуют как бы синонимичный грамматический ряд. Вообще приведенные в Грамматике данные предлагают очень своеобразный и интересный материал по проблеме межъязыковой интерференции в области грамматики, и этим следовало бы заняться специально, как, впрочем, и применительно к тюркским языкам нашей страны. Так, в выражении экватива участвуют восходящие к иранским показатели *raqat* «способ, вид», *va: ra* «как», *towr* «вид», хотя есть и тюрк. *säkin* < др.-тюрк. **äg + ki(n)*; а у местоимений сохраняется тюрк. *näcä* «сколько», *inaγ-ča* «так».

В падежной системе обращает на себя внимание исходный падеж, представленный *-da* (как в руническом) и *-dap* (диалектный вариант), и местный падеж на *-ča* (сопоставим с древним эквативом), есть инструментальный падеж на *-la(n)*, все формы сильно варьируют по говорам.

В системе принадлежности также интересны ее репрезентанты в диалектах; например, во 2 л. ед. числа отмечены варианты *-i-, -iy-, -i-, -iy-, -i:n*, которые можно возвести к двум формам — **Uγ* и *-UG*, последняя известна в древнетюркских памятниках. Весьма разнообразны проявления падежных показателей в possessivном склонении (ср. аккузатив, генитив), каждый раз автор предлагает реконструкцию форманта.

В халадж. языке своеобразна система местоимений, отражающая особенности их фонетического развития от древнетюркского состояния по говорам. Числительные испытали сильное иранское влияние, сохранившиеся тюркские формы демонстрируют большое разнообразие (среди них нередки архаичные образования); так, порядковые числительные по диалектам имеют 12 способов образования.

Г. Дёрфер различает «глагольные имена» и «глагольные предикаты», последние представлены финитными глаголами (возможны и именные предикаты). Глагольные имена включают субстантивные, адвербиальные (деепричастные) и адъективные формы; все они сохраняют глагольное управление. Соответственно этому делению идет рассмотрение форм глагола в разделе «Глагол». Однако сначала

рассматриваются общеглагольные категории: днатеы (залог) (с. 117—121), возможность в языке фактически представлена как форма невозможности с отрицательной формой глагола *bil* — «знать» в аналитической конструкции — *käli-bil-mäm* «я не могу прийти» (с. 122—123) и отрицание (*-ma-*) (с. 123—124).

В халадж. языке фиксируются глагольные имена на *-GU*, *-mA*, *-mAK*, *-Um* (редкое архаичное образование — *bi: suv içümdä soy* «после глотка воды»), *-dUk*, *-GUlUk*, как видно, эти формы почти совпадают с древнетюркскими, они часто в сочетании с падежами выступают в качестве глагольных актантов и зависимых предикатов в развернутых предложениях. Деепричастные формы функционально не отличаются от общетюркских, их показатели — *a...-a*, *-Gali*, *-zän*, *-di/-dü* и деепричастие с нуль-показателем (т. е. формально совпадает с 2 л. ед. ч. императива). Интересно деепричастие на *-di*, и автор предлагает несколько этимологий аффикса, сюда можно бы еще привлечь тофаларский и хакасский языки, в которых афф. *-da/-dy* образует «адверб» от глаголов и считается продуктивным [8, 9]. Что касается *θ*-аффикса, то возможны, конечно, фонетические причины, связанные с исходом слова (ср. падение в тофаларском или тувинском), но и не исключены исторические основания — основа глагола выступала как самостоятельная морфологическая единица [10, 11].

Адъективные формы представлены в халадж. языке следующими формантами: *-dUK*, *-An*, *-AKan*, *-AGan*, *-Gili* (<др.-тюрк. *-XGli*), *-GUlUK*, *-GUëi*, *-Gur*, *-mAU*, *-mAUg*, *-miš*; здесь виден смешанный их характер и сосуществование как архаичных, так и новых образований.

Описание предикативных форм (финитных) (с. 146—204) включает временные формы (аорист на *-Vr*, презенс с вспомогательными глаголами типа «стоять», «ходить», претерит на *-di*, перфект на *-miš*, будущее на *-AʃAK* и ряд аналитических форм с *ärti*, *ämiš*), формы с модальным значением [условные на *-sa*, необходимости на *-mAU* (*G*) и намерения на *-GA*]. Здесь же характеризуются формы связи при именном сказуемом (они восходят к формам глагола *är* — «быть»; *tur* в халадж. не проник) и предикативы (связки существования) *va:r* и *yo:k*.

В халадж. языке свособразна парадигма императива, которая включает 10 типов образования 2 л. ед. числа (в зависимости от семантического класса глагола, исхода его основы или слоговой структуры) и ряд модификаций по личным окончаниям в других лицах. Эти 10 типов характеризуются неизвестными в других тюркских языках показателями, возникающими часто в результате стя-

жения аналитических форм с участием вспомогательных глаголов или модальных частиц (ср. интересные якутские императивы): *ve:r-i* «дай!», *bäkt-i:r* «закрой!», *qa:l-up* «останься!», *yet-üv* «уноси!», *tula:r* «располагайся!», *yä-kä* «приходи!» и пр. Характерно, что прохитивиз здесь имеет обычную тюркскую форму с *-ma-* и ничем не отличается от других языков.

Следующий раздел Грамматики «Синтаксис предложения» (с. 205—245) посвящен функциональному использованию морфологических форм. Вначале описываются времена в контексте «рассказа» (с. 205—227), здесь особенно интересно функциональное распределение времен в связи с влиянием иранской темпоральной системы, через которую, однако, дают себя знать тюркские оппозиции. Сам способ анализа навеен работой Л. Юхансона [12], и времена рассматриваются в условиях темпоральной локализованности действия, их транспозиций; учитываются также и аспектуальные признаки (длительность, точечность, фактичность и др.), и жанровое распределение текстов, принадлежность к функциональным стилям. Такое описание, проверенное на литературном турецком языке, впервые приложено к языку диалектно пестрому, ненормированному [13]², результаты большой текстовой выборки представлены статистически.

Вторая часть раздела отведена характеристике типов предложения, прежде всего «придаточных», выраженных именными предикативными формами, а также и финитными (предложения причины, следствия, условия и пр.). Здесь же описаны принципы согласования субъекта и предиката, порядок слов, связи между предложениями, эллипсис и др.

Грамматика кончается кратким заключением (с. 246—248) и перечнем проблем для последующего изучения халаджского языка (всего — 41); в конце приложен индекс морфологических показателей (с. 253—258).

Как видно, Грамматика действительно охватывает все ярусы языка, представленный и проинтерпретированный в ней материал — большое достижение современной тюркологии и великая заслуга ученого, ее автора, вновь продемонстрировавшего высочайшую свою квалификацию.

² В этой работе, построенной на разнообразном диалектном материале татарского языка, дается ареальное системно-синхронное описание категорий глагола, но их функциональный аспект не получает здесь четкого анализа.

1. Doerfer G. Khalaj materials. Bloomington, 1971 (=Uralic and Altaic Series. V. 115).
2. Doerfer G., Tezcan S. Wörterbuch des Chaladsch: Dialekt von Xarrab. Вр., 1980 (=Bibl. Orientalis Hungarica. XXVI).
3. Laude-Cirtautas I. Schriftenverzeichnis G. Doerfer // CAJ. 1985. V. 29. № 1—2.
4. Дёрфер Г. Махмуд Кашгари: аргу, халадж // СТ. 1987. № 1.
5. Дёрфер Г. Является ли халаджский язык диалектом азербайджанского? // СТ. 1974. № 1.
6. Дёрфер Г. О трех количественных градациях гласных в тюркских языках // СТ. 1976. № 4.
7. Дёрфер Г. О количественной градации

- гласных в халаджском языке // СТ 1987. № 5.
8. Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978. С. 249—250.
9. Грамматика хакасского языка. М., 1975. С. 108.
10. Коржушин И. В. Система времен глагола в алтайских языках. М., 1984. С. 36—39.
11. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология, М., 1988. С. 410.
12. Johanson L. Aspekt im Türkischen. Uppsala, 1971.
13. Юсупов Ф. Ю. Изучение татарского глагола. Казань, 1986. С. 287.

Насилов Д. М.

Typology of resultative constructions / Ed. by Nedjalkov V. P. English translated by Comrie B. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins publishing company, 1988. XX + 573 p. (Typological studies in language. 12.)

В продолжающейся серии «Typological studies in language» вышел в свет перевод одной из наиболее значительных работ Ленинградской типологической школы — коллективной монографии «Типология результативных конструкций» [1]. К сожалению, языковой барьер не дает возможности многим зарубежным лингвистам, и в том числе типологам, следить за работой своих советских коллег. Отдельные статьи наших исследователей, опубликованные по-английски, обычно фрагментарны и недостаточно информативны. Поэтому очень важно, что в переводе появилась одна из наших лучших книг по лингвистической типологии, последовательно и полно излагающая целую концепцию и насыщенная разнообразным языковым материалом. В предисловии к англоязычному изданию редактор монографии В. П. Недеяков выражает надежду, что оно будет способствовать сближению и лучшему взаимопониманию западных и советских лингвистов (с. XIII).

По сравнению с первым изданием, охватывающим 20 языков, монография пополнилась главами о результативе в алеутском (Е. В. Головки), эве (В. П. Литвинов, К. Агбоджо), догон (В. А. Плунгян) и тонганском (М. С. Полинская) языках. Главы, посвященные эскимосскому (Н. Б. Вахтия), монгольскому (Г. С. Дугарова, Н. С. Яхонтова), узбекскому (Д. М. Насилов), индонезийскому (Агус Салим, А. К. Оглоблин, В. П. Недеяков),

норвежскому (В. П. Берков), литовскому (Э. Ш. Генюшене, В. П. Недеяков), армянскому (Н. А. Козинцева) и русскому (Ю. П. Князев) языкам, были полностью или частично переработаны, некоторые — снабжены дополнительным материалом. Добавлены две теоретические главы, посвященные классификации результативов (С. Е. Яхонтов) и обзору полученных в монографии результатов (И. Ш. Козинский). Фактически речь идет не о новом издании, а о новой книге, увеличившейся почти на треть по сравнению со своим прототипом. В «Вопросах языкознания» была опубликована рецензия на первое издание [2], поэтому мы позволим себе несколько большее внимание уделить тому, что впервые появилось в англоязычной версии.

Основы теории результативных конструкций, разработанной В. П. Недеяковым и С. Е. Яхонтовым, были заложены еще в статьях А. А. Холодовича, В. П. Недеякова и Г. А. Отаиной [3, 4] и включают следующие основные положения. Результативом называется форма, имеющая значение состояния, регулярно образуемая от глаголов со значением действия или процесса. Различаются собственно результативы, обозначающие состояние предмета, которое предположительно предшествующее действие, и стивы — формы, образованные от глаголов действия, но обозначающие только состояния (например, *Дерева окружена ле*